

Цяо Цзин, который всегда отличался отменным качеством сна, на этот раз — впервые за долгое время — увидел кошмар.

Ему приснилось, будто он бежит по незнакомой прибрежной дороге, а за ним по пятам следует высокий мужчина с неразличимыми чертами лица.

Цяо Цзин бежал и одновременно пытался заговорить с преследователем, спрашивая, почему тот так долго гонится за ним и не собирается отставать, и предлагая мирно всё обсудить, если ему что-то от него нужно.

Однако тот человек хранил молчание и шагал ещё шире. Цяо Цзин торопливо оглянулся через плечо и больше не смел тратить на него слова.

Как только Цяо Цзин почувствовал, что ещё немного — и он просто развалится на части от бега, он заметил, что впереди больше нет дороги. Сам того не заметив, он сбежал с шоссе через песчаный пляж прямо к просторному морскому побережью.

Океан, лишённый компании луны и облаков, сливался с непроглядной ночью, отражая её тьму; он казался похожим на гигантский занавес, способный поглотить дотла любого, кто посмеет приблизиться, и источал жуткую, пугающую атмосферу.

Цяо Цзину некуда было бежать. Мужчина с неясным лицом за его спиной тоже перестал бежать, и его ноги приземлились на мелкий песок пляжа, издав едва слышный шуршащий звук.

У Цяо Цзина мурашки побежали по коже, но он не смел оглянуться и лишь дрожащим голосом спросил: — Братец, мы с тобой не враги и обидвать друг друга не за что, чего ты добиваешься?

Тот человек замер, и лишь спустя долгое время повторил: — Не враги и обидвать не за что?

Цяо Цзин: «?» Ему казалось, что из-за морского ветра голова стала тяжёлой и он ничего не может вспомнить. Хотя он и знал, что из-за своей толстокожести мог насолить многим, ничего по-настоящему злодейского он в жизни не совершал, и преступление явно не тянуло на смертную казнь.

— Опять заставляешь меня ждать.

Цяо Цзин понял, почему ему приснился такой кошмар.

В следующее мгновение Цяо Цзин почувствовал, как кто-то схватил его за затылок, точно котенка, приподнял и с силой втиснул лицом в морскую воду.

Цяо Цзин не собирался сдаваться и забился ещё яростнее. В разгар ожесточённой борьбы он наконец вынырнул на поверхность, получив шанс вдохнуть порцию воздуха с резким запахом соли.

В тот самый миг, когда он распахнул глаза, ему отчаянно хотелось подскочить на кровати, но некая непреодолимая внешняя сила сковала его тело, не позволяя сдвинуться с места.

И как раз в этот короткий промежуток времени он услышал, как мужчина за его спиной заговорил снова.

Когда дыхание немного выровнялось, он опустил взгляд на виновника того, что его «придавил сонный парадокс».

Правая нога этого человека сковала ноги Цяо Цзина, а тяжёлая рука давила на шею, вызывая невозможное для игнорирования удушье.

Погодите-ка, откуда на его кровати взялся кто-то посторонний? Мужчина или женщина?

Цяо Цзин тяжело дыша очнулся ото сна.

В конце концов, он был взрослым человеком, и пусть его нельзя было назвать атлетом, но не до такой же степени, чтобы кто-то мог вот так запросто подавлять его в одиночку?

Цяо Цзин пошевелил затекшей ногой и почувствовал, как жесткие волосы на чужого бедра трутся о его собственную кожу, вызывая зуд и покалывание — слава богу, это мужчина.

Он робко позвал: — ...Суйхуай?

Сначала Цяо Цзин даже не сообразил в чём дело, и только когда ледяная вода хлынула в рот и нос, он начал барахтаться. Но как бы сильно он ни старался, рука преследователя словно давила с силой в тысячу цзиней, не давая Цяо Цзину вырваться.

Теперь голос этого человека уже не звучал так хрипло, как раньше, отчего он казался Цяо Цзину еще более знакомым.

На теле Цяо Цзина лежал кто-то вполоборота.

Повозившись на постели, человек то ли шумно, то ли тихо заворочался. Чэнь Суйхуай нахмурился, явно крайне недовольный тем, что его сон потревожили, и прибавил усилий в руке и с внутренней стороны бедра, зафиксировав Цяо Цзина ещё крепче.

— Ты обманул меня.

Звуки ветра и морских волн вмиг утихли, и весь мир погрузился в абсолютную тишину ровно на три секунды.

К тому же голос у этого мужчины был слегка хриплым, и Цяо Цзин, как ни напрягал память, не мог припомнить никого из знакомых с подобным тембром.

— Может, ты... объяснишься поподробнее?

— ...

Вот же чёрт, с виду такой суровый, с густыми бровями и безжалостный, а спать ложится — обязательно нужно к чему-то прижиматься!

Если тебе не хватает чувства безопасности, купил бы себе большую мягкую игрушку и положил на кровать; в конце концов, дома ты один, никто над тобой смеяться не станет.

Цяо Цзин попытался ещё пару раз сдвинуться с места, но попытка провалилась, и ему оставалось лишь продолжать жалобно выть про себя: знай он заранее, не пришлось бы тратить целое состояние на фруктовый набор из двух предметов, лучше бы приобрёл игрушку-обнимашку в рост человека — глядишь, это куда больше пришлось бы по душе Чэнь Суйхуаю.

И заодно вырвал бы у судьбы шанс на выживание для своей хрупкой шеи и бедер.

Пока он так мысленно ворчал, сердце Цяо Цзина внезапно смягчилось.

Чэнь Суйхуай и впрямь оказался куда мягкосердечнее, чем он думал, хотя на словах казался жестким. Ведь он всё ещё злился, но при этом из доброты оставил ему еду и приготовил ужин; вспомнив, что у Цяо Цзина болит поясница от сна на полу, он даже не забыл поделиться с ним собственной кроватью — и это при том, что Чэнь Суйхуай так сильно не выносит, когда к нему прикасаются, но ради него всё же переступил через себя.

Ладно уж, раз Чэнь Суйхуай наконец заснул и так беззащитно продемонстрировал сторону, где ему нужен кто-то рядом, он готов пойти ему навстречу.

Цяо Цзин попытался закрыть глаза и заставил себя снова уснуть.

Переведя дыхание и пролежав так целую долгую минуту, Цяо Цзин всё же не удержался и принялся снова отчаянно бороться с чужой рукой.

— Нет, так дело не пойдёт, до завтрашнего утра я точно не доживу.

Как раз когда он раздумывал, не разбудить ли Чэнь Суйхуая, чтобы тот сменил позу, Чэнь Суйхуай шевельнулся.

Цяо Цзин обрадовался: ну наконец-то соизволил повернуться, так будет лучше нам обоим.

Кто бы мог подумать, что Чэнь Суйхуай лишь сместил руку чуть ниже и в новом положении продолжил спать, крепко обнимая Цяо Цзина.

Цяо Цзин: «...»

Хоть руку и убрали с шеи, теперь она давила прямо на грудную клетку, но дышать стало намного свободнее, так что можно и потерпеть ради того, чтобы дожить до рассвета.

Но эта поза... выглядела чересчур странно!

Если раньше Чэнь Суйхуай придавливал Цяо Цзина лишь наполовину, то теперь его рука обвивала его грудь, напротив, притягивая всё его тело ближе к себе.

Выглядело это так... будто он его обнимал.

Ещё более странным было то, что Чэнь Суйхуай лежал на боку, слегка согнувшись в пояснице — в самой удобной для сна позе, — и от только что совершенного движения его голова как раз ткнулась в шею Цяо Цзина, полностью зарывшись туда.

Цяо Цзина сильно закололо от чужого ёжика волос на голове, он попытался отстранить голову в сторону, но Чэнь Суйхуай лишь придвинулся к нему ещё ближе.

Цяо Цзин смирился со своей участью.

Он уже и сам не мог решить, что лучше: продолжать странным образом прижиматься друг к другу двумя мужчинами или же получить от Чэнь Суйхуая смертельную хватку за горло и задохнуться к чертям, чтобы разом покончить с мучениями.

Но выспаться этой ночью ему точно было не суждено.

Лишь около пяти-шести часов утра Чэнь Суйхуай сжалился над Цяо Цзином, перевернулся на другой бок и заснул дальше.

В отличие от Цяо Цзина, Чэнь Суйхуай проспал всю ночь напролёт на редкость сладко; ему

казалось, что его со всех сторон окутывает уютное тепло, а в приснившихся снах даже сияло мягкое, ласковое солнце.

Примерно через час наступило время неизменного утреннего подъема Чэнь Суйхуая.

Он рассеянно посмотрел на спящего рядом Цяо Цзина и лишь спустя какое-то время вспомнил всё, что произошло накануне.

Затем Чэнь Суйхуай обошёл кровать с другой стороны, глядя на Цяо Цзина, который наконец-то получил возможность отдохнуть и погрузился в глубокий сон, и тихо произнес: — Разве плохо спалось?

Есть нормальная кровать, но нет, надо было изображать мученика на полу — не шизофреник ли часом?

Когда Цяо Цзин проснулся, Чэнь Суйхуай уже успел позавтракать.

— С добрым утром, — с улыбкой поприветствовал Чэнь Суйхуай Цяо Цзин. Если бы не заведённый на послеобеденные часы будильник, учитывая уровень его усталости за последние пару дней и те нечеловеческие муки, что выпали на его долю минувшей ночью, он бы проспал добрые сутки напролёт.

Чэнь Суйхуай ничего не ответил, но сегодня он явно был в неплохом настроении: лишь слегка приподнял подбородок в знак приветствия и заодно подвинул в сторону Цяо Цзина тарелку с поджаренными тостами.

Цяо Цзин внутренне удивился: он-то думал, что Чэнь Суйхуай привык к традиционным китайским завтракам, поэтому ранее специально купил для него булочки-баоцзы.

На самом деле в прошлой жизни Чэнь Суйхуай предпочитал жареные тосты китайской еде, дополняя их салатом и яичницей-глазуньей. И дело было вовсе не в заботе о здоровье или сбалансированности питания — просто эти блюда готовились проще и съедались быстрее.

Не нужно было долго возиться с готовкой, как с китайскими супами, которые к тому же вечно обжигали рот.

Поскольку долг платежом красен, изначально Цяо Цзин планировал завести с Чэнь Суйхуаем разговор о его манере спать в обнимку, но хлеб оказался хрустящим снаружи и мягким внутри, а яичница — безупречной, с едва схватившимися краешками белков и жидким желтком. Цяо Цзин пришёл в такое неопишное блаженство, что не смог вымолвить и половины прямой жалобы.

И всё же, ради собственной безопасности, Цяо Цзин не мог пустить всё на самотёк, поэтому

зашёл издалека: — У тебя есть планы на вечер? Давай вместе съездим в мебельный магазин.

Чэнь Суйхуай отказался наотрез, и Цяо Цзин не стал настаивать — в конце концов, кто первый нарушил обещание? Жаль только, что он надеялся воспользоваться силой Чэнь Суйхуая и попросить его помочь донести вещи, чтобы не бегать вверх-вниз по лестнице в одиночку.

В итоге они снова поужинали вместе какой-то быстрой едой. Чэнь Суйхуай вымыл посуду, обулся и, стоя у двери, уставился на Цяо Цзина, который в растерянности моргал: — Мы куда-то собираемся?

Чэнь Суйхуай свирепо зыркнул на него, молча постоял с полминуты, толкнул дверь и с грохотом захлопнул её за собой.

Цяо Цзина озарило догадкой, он торопливо сунул ноги в ботинки и бросился следом, втиснувшись в уже закрывающиеся двери лифта: — Хочешь позлиться — ну выругайся на меня, только в следующий раз поаккуратнее хлопай дверью, мне показалось, от этого грохота трясло весь дом.

В следующий раз? Чэнь Суйхуай злился всё сильнее: у Цяо Цзина хватает наглости рассчитывать на какой-то следующий раз?

Он уже жалел, что поддался сиюминутному порыву и ответил согласием на утреннее предложение Цяо Цзина, а потому раздраженно затыкал пальцем в кнопку открытия дверей: — Никуда я не пойду.

Цяо Цзин понятия не имел, почему Чэнь Суйхуай снова взелся на него, и примирительным тоном перехватил его руку: — Эта кнопка и так плохо реагирует, не сломай её окончательно. Я виноват, но я не забыл про утреннюю просьбу нарочно, просто подумал, что ты сам не хочешь никуда ехать, и не хотел навязываться...

Чэнь Суйхуай замер, но в мыслях у него совершенно не было желания слушать оправдания Цяо Цзина — его взгляд был прикован к собственной руке, которую тот так крепко держал.

Это был уже второй раз, когда Цяо Цзин накрывал своей ладонью тыльную сторону его ладони. Если приплюсовать тот случай, когда он случайно коснулся Цяо Цзина, помогая с чемоданом, они соприкасались уже трижды.

Но в первые два раза он либо моментально отдёргивал руку Цяо Цзина, либо сам поспешно отступал назад, и никогда ещё их контакт не был настолько близким, а прикосновение — столь долгим.

И сам Чэнь Суйхуай не понимал, что с ним творится: он просто позволил Цяо Цзину остановить его довольно ребячливое и неуклюжее движение, а беспричинный огонь в груди отчего-то

понемногу утих.

Глядя на руку, кожа которой столь разительно отличалась оттенком от его собственной, он невольно чуть сжал пальцы в кулак.

Только тогда Цяо Цзин с облегчением выдохнул и разжал пальцы.

К счастью, Чэнь Суйхуай оказался вредным павлином с твердой скорлупой и мягким сердцем, которого можно было задобрить парой ласковых слов. Иначе, учитывая габариты и физическую силу Чэнь Суйхуая, вздумай тот пойти на принцип, Цяо Цзин сомневался, что прожил бы на этом свете и восьми сотен жизней.

Именно это «заблуждение» относительно характера Чэнь Суйхуая позволило Цяо Цзину без малейшего внутреннего напряжения выбрать в торговом центре плюшевую акулу и протянуть её спутнику.

Чэнь Суйхуай был погружен в свои мысли, поэтому, когда Цяо Цзин сунул ему в руки какую-то вещь, он молча перехватил её и бросил в тележку, даже не взглянув.

Но тут же ощутил в ладони пушистую текстуру, и Чэнь Суйхуай замер: — ?

Цяо Цзин: — Не стесняйся, бери!

— ...Ты о чём вообще?

Цяо Цзин одарил его многозначительной улыбкой, затем подался вперед, встал на цыпочки и, прикрыв рот ладонью, шепнул Чэнь Суйхуаю на ухо: — Мы купим её тайком, не переживай, никто и никогда не узнает, что по ночам тебе жизненно необходимо спать в обнимку с мягкой игрушкой.

Полагая, что их отношения теперь стали значительно ближе, он вновь решил прибегнуть к сомнительной теории о том, что «разделение секретов делает друзей ещё ближе», и уверенно похлопал Чэнь Суйхуая по плечу.

Чэнь Суйхуай терпел, как мог, но всё же не выдержал: — Цяо Цзин, ты вообще в своём уме?

С этими словами он с силой швырнул акулу обратно в объятия Цяо Цзина и покатил тележку дальше.

Пройдя пару шагов, он остановился у другой экспозиции в отделе игрушек, вытянул из кучи плюшевого кролика с длинными висячими ушами и швырнул бедную игрушку прямо на руки Цяо Цзину: — Эта хрень тебе подходит куда больше.

<http://bllate.org/book/22420/2354052>